

ПОВЕСТИ

Что же сказал Маркс?

– Нет, – произнёс д'Артаньян – мне больно, что мы идём друг против друга, мы, которые были всегда вместе. Мне больно, что мы в двух враждебных лагерях. Ах, теперь ни в чём не будет у нас удачи!

– Да, теперь конец всему, – отозвался Портос...

А. ДЮМА, «Двадцать лет спустя»

1

С верхней полки железнодорожного вагона смотреть в окно было непросто. Стекло заканчивалось почти на уровне лежака, и, чтобы что-то увидеть, приходилось свешивать голову вниз или, лёжа на животе, по собачьей класть её на руки. Что тоже не комфортно. Правда, и смотреть особенно было не на что: однообразный пролетающий пейзаж. Сначала мелькала степь с угольными терриконами, ближе к Киеву постепенно начались леса. Поэтому большую часть времени я дремал или просто лежал, уставившись в потолок. Я ехал в институт.

Позади осталось бурное лето с выпускными экзаменами и поступлением. Весь июль я усиленно готовился. С утра до вечера, обложившись учебниками, сидел в прохладном бабушкином доме с закрытыми от жары ставнями. Главным предметом, как и для всех технических вузов, была математика. На неё я и упирал. Тогда не было никаких ЕГЭ, и каждый институт предъявлял к поступающим свой

уровень требований, порой весьма высокий. В крупных городах состоятельные родители нанимали для своих детей репетиторов, но я тогда о таком даже не слышал. Да если бы и слышал, наши с мамой доходы этого позволить не могли.

Почему я поехал в Киев? Институты и в Ростове хватало, включая знаменитый университет, переведённый из Варшавы. Так нет, понесло меня в далёкий и незнакомый город. Наверное, прельстился сопливой романтикой да красивой формой: тогда только начали вводить её новый образец с погонами вместо шевронов на рукавах. А может, кто-то посоветовал, я уже и не помню. Мама мой выбор приняла безоговорочно: решил и решил. Она сама была с твёрдым характером, поэтому и моему решению доверяла. Хотя сейчас я понимаю, что она вполне отдавала себе отчёт, что материально нам будет гораздо труднее.

Документы для поступления тогда можно было подавать только в один вуз – никаких шараханий с баллами, набранными по ЕГЭ. Тем более что экзамены по всей стране и во все вузы начинались в один день – первого августа. Так что, сдал – хорошо, не сдал – в армию, либо, если восемнадцать ещё не наступило, есть попытка поступить на следующий год. Мне повезло, я поступил с первого раза.

На первом экзамене сидели впритык. Была письменная математика. Задания действительно оказались не из простых, и почти половина поступающих сразу отсеялась. Потом были ещё два устных экзамена: снова математика и физика. В физике самым сложным было – решить задачу. Как я понял, прислушиваясь к ответам, удавалось это немногим. Мне удалось. Даже дед, который принимал экзамен, удивился и сказал что-то типа: «молодец среди овец», а потом стал усиленно меня валить какими-то графиками. Наверное, план по пятёркам он уже выполнил на блатных, но в конце концов четвёрку всё-таки поставил. Хотя мне кажется, он был неправ.

Последним экзаменом писали сочинение. Зачем, не понятно. Ведь не на филологический или журналистику поступали. Провели бы диктант на проверку грамотности – так нет, сиди выдумывай, раскрывай тему. Но кажется, этот экзамен был уже формальностью. Нужное количество людей комиссия уже набрала.

Институтов гражданской авиации в Союзе было три: в Киеве, Риге и Москве. Наш, киевский, считался самым престижным, да таким он и был. Началась его история с факультета политехнического института в довоенную пору, когда там ещё учился Королёв. Специалисты нужны были по всей стране, и студентов для института набирали выездные приёмные комиссии, которые выезжали в каждое территориальное управление гражданской авиации. Нас принимали в Ростове – центре Северо-Кавказского управления.

Я сдал экзамены, мама подарила мне электробритву «Харьков» с дарственной гравировкой: я уже пробовал бриться. И мы стали собираться в дорогу.

Поезд потихоньку пылил сквозь августовскую жару. Даже дорожный ветерок не сильно охладил купе. Внизу беседовала с попутчиками мама: обычный вагонный разговор ни о чём. Я попутчиков уже не помню, какая-то семейная пара. Обрывки разговора сквозь перестук колёс долетали до верхней полки. Счастливая мама делилась гордостью по поводу поступления сына в институт:

– Сам готовился! Сам! Никто не помогал, – торопливо говорила она, будто боялась, что ей не поверят.

Соседи что-то одобрительно поддакивали ей в ответ. У самой мамы было всего семь классов, больше не получилось, так как пришлось работать. Среди братьев и сестёр она была старшей.

На остановках мы выходили прогуляться и купить еды у привокзальных старушек. Обычный набор: пирожки, варёная кукуруза, картошка, жареные куры. Сами вокзалы

тоже не отличались разнообразием: все одинакового светлокремового цвета, да и строились, кажется, по одному типовому проекту – длинное вытянутое вдоль перрона строение с большим входом и двумя симметричными пристройками по бокам. И только вывеска в торце здания выдавала название станции. Одна из них мне запомнилась: Пятихатки, не то в Запорожской, не то в Днепропетровской области.

Мы стояли с мамой на перроне. Увидев название станции, мама как-то странно огляделась и замолчала.

– Что-то случилось? – спросил я.

– До этой станции доехала после войны наша бабушка, и здесь у них чуть не отняли все продукты. Помнишь, я тебе рассказывала?

Конечно, я знал этот случай. После войны бабушка с парой таких же несчастных тёток моталась на поездах в поисках пропитания для большой семьи. Их приняли за мешочников, чуть не отняв добытые продукты. Жутко было представить этих бедных хрупких женщин с мешками и их отчаяние. Детей в семье было пятеро, с едой было очень плохо. Бабушка, собрав всё, что было ценного в семье, поехала менять это на еду. Ценного было немного: пошитые мастеровитым дедом сапоги, отрез ткани, полученный им же в поощрение на железной дороге, где он работал; что-то по мелочи. Да, ещё большие, изогнутые причудливым полумесяцем золотые серьги (мама говорила: «цыганские»). Серьги предназначались ей как старшей дочери в качестве свадебного подарка, когда придёт пора выходить замуж. Но, когда в доме стало «шаром покати», бабушка сказала: «Прости, дочка», – и положила серьги в стопку для обмена на продукты...

В год моего поступления маме исполнилось сорок три. Совсем ещё молодая женщина. По сегодняшним моим меркам – девчонка без опыта жизни. Но время меняет людей. Сейчас это в большинстве своём инфантильные дуры, а мама к своим годам была уже умудрённой жизнью

женщиной: с голодным детством и заботой как прокормить троих младших братьев и сестру. На неё бабушка оставляла все хлопоты по дому, отлучаясь на поиски пропитания и доезжая на товарных вагонах аж до этих самых пресловутых Пятихаток. Когда мамы не стало, её сестра, моя тётя, сказала на похоронах, что у мамы было не двое детей, а шестеро. Ко мне и моей сестре тётка добавила ещё четверых: себя и троих младших братьев.

Потом был неудачный брак с моим отцом и развод. Мама, конечно, могла устроить свою жизнь: она была красивой неглупой женщиной, и мужчины вокруг постоянно пытались оказывать ей внимание. Но, очевидно, всё это было не то. И только когда уже вышла замуж моя сестра, а я поступил в институт, она, наконец, связала свою судьбу с хорошим человеком Иваном Михайловичем. Он был военным в отставке. А это была признанная марка, которая сохранилась еще в семидесятых годах прошлого века. Честный и порядочный. Любил мою мать и хорошо ладил со мной.

На вторые сутки после обеда поезд пришёл в Киев. Стоял знойный день конца августа, ярко палило солнце. Привокзальная площадь была полна народу. Позади нас высился красивый вокзал в форме рифлёной не то подковы, не то арки. Немного ошалев от дороги и большого скопления людей, мы спустились в метро. Это была первая моя поездка под землёй. Я смело ступил на эскалатор. Новая жизнь началась! У нас был адрес каких-то дальних родственников. Жили они в пригороде Киева, поэтому к ним мы добирались с двумя пересадками – с чемоданом и баулами по жаре.

Я всё время пытался найти какие-то особенности города: всё-таки столица, да ещё и другой республики. До этого я из Ростова дальше пионерлагеря не выезжал. Пока ничего особенного не заметил: город как город, красивый, со своими отличиями и характерными чертами. Но они есть у любого города, будь то Свердловск, Иркутск или